

Книга Иова

Сессия 9: Сцена на небесах, часть 1

Джон Уолтон

Это д-р Джон Уолтон и его учение о Книге Иова. Это сеанс 9, Сцена на небесах.

Часть 1.

Небесный Совет [00:23-1:36]

Теперь сцена в Книге Иова переключается на небесный суд. Это день зрителей. Яхве устраивает аудиенцию, и собирается его божественный совет. Сыны Божьи, члены совета, предстают перед ним, чтобы сделать свои отчеты. Когда члены совета делают отчеты, это не означает, что Бог не всеведущ; просто Бог решил работать с советом. Мы находим эту картину в Библии во многих местах: З Царств 22, здесь, в Иове, Исаии 6: "Кого мне послать, кто пойдет для нас?" Псалом 82 и многие другие места. Вот как он представляет Божьи дела.

Это не другие боги, как в некоторых других древних культурах, поскольку они думают о божественном совете, но Бог решил действовать через совет. Богу не нужны другие существа. Ему не нужны советы, но если он решит работать таким образом, это его дело.

Характер хасатана [1:36-5:23]

Итак, сыны Божии собрались, и сатана среди них. Теперь, если мы так говорим, это немного сбивает нас с толку, потому что мы привыкли думать о сатане как о плохом парне, дьяволе; которому нет места даже на небесах, не говоря уже о сыновьях Божьих. Итак, давайте будем осторожны здесь. Приходит этот персонаж. Кто он? Текст находится в одном шаге от того, чтобы говорить о нем как о сатане. Я знаю, что в большинстве переводов Сатана пишется с большой буквы и сразу же заставляет нас задуматься о личном имени, связанном с дьяволом. Но здесь текст на иврите представлен не как личное имя. Над ним ставится определенный артикль. На иврите это «ха». Итак, это хасатан. Сатана — еврейское слово. Вы не знали, и вы немного знали иврит. Итак, это хасатан, сатана. Теперь это означает,

что это не личное имя. И это действительно означает, что мы не должны извлекать из этого выгоду, если честно. Я имею в виду, мы не должны. Но это скорее описывает роль. Сатана, как я уже упоминал, это еврейское слово. И это слово может функционировать как глагол, так и существительное. И нам нужно посмотреть, как работает это слово.

Когда это глагол, он предполагает, что кто-то противостоит, является противником, бросает вызов кому-то и тому подобное. Его могут осуществить люди, то есть другие цари, например, бросающие вызов Соломону. Это может сделать человек в судебном порядке, прокурор. Это может сделать даже ангел Господень, бросающий вызов движению Валаама в Числах. 22, стоит на его пути как сатана. Так что в этой роли нет ничего злого. Мы находим людей в этой роли. Мы также находим нечеловеческих существ, таких как ангел Господень, о котором я упоминал, который выполняет эту функцию в этом конкретном отрывке.

И, конечно же, здесь, в Иове, есть этот конкретный персонаж. Но этот персонаж, этот претендент, и именно этот термин я предпочитаю; этот претендент находится среди сыновей Божьих. Он в божественном совете. Он не изображается дьяволом. На самом деле в Ветхом Завете использование сатаны не предполагает дьявола. Это применяется только к нечеловеческому существу, как в этом случае в нескольких других случаях. Один из них находится в третьей главе Захарии, в которой он выступает против, он осуждает право первосвященника на восстановление. Это подходящий вызов. Бог упрекает его и предлагает свое собственное направление относительно того, почему это может произойти. В 1 Паралипоменон 21 речь идет о сатане, подстрекающем Давида к переписи населения. Итак, у нас есть только эти пару вхождений, которых едва ли достаточно, чтобы построить профиль.

Предатель [5:23-6:15]

Но вот он среди небесного совета, сыновей Божьих. Идея о том, что это относится к тому, кто бросает вызов, независимо от контекста, будь то к добру или к злу, будь то среди людей или среди небесного воинства, это тот, кто бросает вызов, кто

занимает враждебную позицию, соответствует профилю того, что мы находим с слово.

Это имя не станет личным именем дьявола, пока мы не выйдем из ветхозаветного периода. В псевдоэпиграфической литературе, которая относится к периоду Второго Храма между заветами и далее, она относится ко многим сатанам, а не к одному. Это не личное имя дьявола.

Претендент как агент Бога [6:15-8:36]

Здесь, в Иове, хасатан, Претендент, является Божиим агентом. Его послали с заданием. Он возвращается, чтобы отчитаться. Он исполняет Божью волю и Божьи приказы. Он агент Бога.

Теперь, как он претендент? Что ж, здесь мы видим, что он бросает вызов политике Бога. Мы уже говорили об этом. Он делает это надлежащим образом. То есть это правда, что если праведники продолжают получать блага, это может подорвать их праведность и дать им скрытый мотив. Это правда. Это не какое-то ложное раздутое обвинение.

Итак, мы видим, что этот Божий агент выполняет работу, которую Бог дал ему. Иов не является его целью. Бог воспитал Иова. Целью его вызова является Божья политика. Иов — это просто логический тест, потому что он в высшей степени честный человек. Таким образом, в этом смысле мы не должны думать о Челленджере как о дьявольской роли. Он не заманчив. Он не владеет. Он не лжет. Нет никакого дьявольского хихиканья, когда он портит Иова. На самом деле он действует только от имени Бога. Бог дает ему свободу действий, и Бог берет на себя ответственность за разорение Иова. Никто в остальной части истории никогда не предполагал, что есть какой-то другой агент, замешанный в гибели Джобса. Это Бог сделал это. Бог несет ответственность за Иова. Бог считается ответственным. Бог поразил Иова не меньше, чем Челленджер.

Челленджер не изображается как зло [8:36-10:11]

И интересно, что иногда мы думаем о том, что, когда мы считаем Челленджера дьяволом, мы думаем о нем как о получающем большое удовольствие и губящем Иова. В то время как Бог, очень печально, переживает это. Текст не различает, как каждый из них отвечает. Ни у одного из персонажей нет особого сочувствия и нет особого отклика. Что бы ни делал Челленджер, он делает силой Бога. И Бог так говорит. «Вы подстрекали меня погубить его», глава 2. Ничего принципиально злого в авторском изображении Челленджера не пропускает. Он нейтральный персонаж, выполняющий свою работу. Опять же, не соблазняет, не разворачивает, не разворачивает. Это не профиль дьявола. Это независимый профиль, который мы должны вывести из самого текста. Тот факт, что сам ангел Господень может исполнять роль сатаны, говорит о том, что это не зло по своей сути.

Челленджер как литературный конструкт [10:11-11:27]

Претендент - это персонаж, использованный автором таким образом, который соответствует тому, что было известно израильской аудитории. Помните, мы говорили о том, что это литературная конструкция, и поэтому все персонажи именно таковы, они литературные персонажи, играющие роль, независимо от того, действительно ли это существо, которое Новый Завет называет дьяволом. Книгу Иова нужно интерпретировать на основе профиля, который был доступен целевой аудитории как израильтянам, а не более поздней греко-римской аудитории – Новому Завету.

Челленджер, на самом деле, имеет очень мало богословского значения в книге. Он просто помогает подготовить сцену, ставя под сомнение мотивы Иова и бросая вызов политике Бога. Он не предлагается как тот, кого можно обвинить в страданиях Иова. Книга, конечно же, не предполагает, что мы должны искать вину в дьяволе, когда мы страдаем; это не учение книги.

Челленджер как второстепенный персонаж в книге [11:27-12:30]

Его роль не дает объяснения страданию или злу в нашем опыте или в мире. Он второстепенный персонаж, играющий небольшую роль в разворачивающейся драме. И мы уделяем ему слишком много внимания на свой страх и риск, потому

что это искажает смысл книги. Это небесный служитель, играющий отведенную ему роль, бросающий вызов суду Божию. Вот что он делает. Он делает это хорошо. Он устанавливает сцену для книги.

Итак, мы продолжаем выяснять, выдержит ли испытание праведность Иова. Помните, что страдание — единственный способ испытать характер праведности Иова. Итак, страдание — это путь, по которому пойдет книга.

Это д-р Джон Уолтон и его учение о Книге Иова. Это сеанс 9, сцена на небесах, часть 1. [12:30]